

**Павлов-Сильванский Николай
Павлович**

**Декабрист Пестель пред
Верховным уголовным судом**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Павлович П.**
Декабрист Пестель пред Верховным уголовным судом / Павлов-Сильванский
Николай Павлович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 182 с.

ISBN 978-5-521-26993-8

ISBN 978-5-521-26993-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

8. Показанія денщика Пестеля, рядового С. Ф. Савенки. 156

**V. Записка о силѣ вины Пестеля, составленная разрядной
Комиссіей Верховнаго Уголовнаго Суда 160**

VI. Свиданіе въ крѣпости и письмо Пестеля къ родителямъ.

1. Свиданіе съ пасторомъ Рейнботомъ . 164

2. Письмо къ родителямъ 1 мая 1826 года.

3. Изъ письма отца, Ивана Борисовича, 1 мая 1826 г.

4. Изъ записки отца.

VII. Послужной списокъ 169

VIII. Изъ записокъ Пестеля о Греческомъ Возстаніи 1821 г. 171

Предисловіе.

Напечатанныя въ этой книгѣ показанія Пестеля представляютъ собою подробный и большей частью точный и откровенный рассказъ одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей заговора декабристовъ о всѣхъ обстоятельствахъ этого заговора. Они даютъ первостепенный матеріалъ для исторіи „Союза Благоденствія“ и „Южнаго Общества“, превосходящій по своему значенію извѣстныя до сего записки декабристовъ. Они послужили однимъ изъ главныхъ источниковъ извѣстнаго „Донесенія слѣдственной комиссіи“, точнѣе „Всеподданнѣйшаго доклада Высочайше учрежденной комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ“, составленнаго графомъ Блудовымъ. Многія мѣста показаній Пестеля дословно повторены въ этомъ докладѣ. Въ цѣляхъ самозащиты отъ личныхъ обвиненій со стороны товарищей, не щадившихъ его въ своихъ отвѣтахъ, Пестель предъ слѣдственнымъ Комитетомъ старался отбъить силу организаціи общества, чтобы перенести отвѣтственность съ отдѣльныхъ лицъ на всѣхъ вмѣстѣ, на все общество. „Донесеніе“ широко воспользовалось этими объясненіями Пестеля, чтобы преувеличить въ цѣляхъ обвиненія организованность общества.

Издаваемый здѣсь систематическій сводъ показаній Пестеля былъ напечатанъ въ журналѣ „Выходъ“, № 2, 3, 1 1906 года. Здѣсь онъ издается съ большими дополненіями. Въ основу его положены двѣ тетради собственноручныхъ отвѣтовъ Пестеля на вопросы Комитета отъ 13 января и 1 апрѣля 1826 года, изъ дѣла Государственнаго Архива I В 394*). Эти отвѣты дополнены показаніями его по

*) Небольшая часть показаній Пестеля, а именно отвѣты на вопросы 13 января (по копіи) и первыя показанія въ Петербургѣ (безъ ихъ полнѣйшей части), изданы въ книгѣ А. К. Бороздина „Изъ писемъ и показаній декабристовъ“, Сиб. 1906.

отдѣльнымъ вопросамъ и протоколами очныхъ ставокъ, извлеченными какъ изъ этого дѣла, такъ и изъ многихъ другихъ дѣлъ того же архива.

Отдѣльно, не включая въ этотъ сводъ, печатаются показанія, данныя въ Тульчинѣ 22 декабря 1825 года, и первыя показанія въ Петербургѣ 4—8 января, потому что они отличаются отъ позднѣйшихъ отвѣтовъ (съ 13 января): первыя—полнымъ отрицаніемъ виновности, вторыя—неполнымъ признаемъ.

Къ показаніямъ Пестеля присоединены: 1) извлеченія изъ показаній о немъ нѣкоторыхъ декабристовъ—И. Г. Бурцова, Н. В. Басаргина, С. Н. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина, К. Ф. Рылѣва, М. И. Муравьева-Апостола, П. И. Лорера,—и его девицы, С. Ф. Савенки, 2) записки о свиданіяхъ съ нимъ въ крѣпости пастора Рейнбота и его отца и его письмо изъ крѣпости къ родителямъ, заимствуя эти матеріалы изъ Русскаго Архива 1875 г., кн. I; 3) его послужной списокъ; 4) извлеченія изъ его записокъ о возстаніи грековъ 1821 года.

Вводная статья „о жизни и дѣятельности Пестеля“ содержитъ въ себѣ краткія поясненія къ важнѣйшимъ пунктамъ показаній Пестеля.

Н. П. Сильванскій.

В в е д е н і е.

Въ обвинительномъ актѣ по дѣлу декабристовъ, по дѣлу 121-го, имя Пестеля стоитъ на первомъ мѣстѣ среди первыхъ пяти «преступниковъ внѣ разрядовъ», которыхъ Верховный Уголовный судъ приговорилъ къ четвертованію, а Императоръ Николай I къ повѣшенію. Первое мѣсто отведено было Пестелю, несмотря на то, что въ числѣ обвиненій, предъявленныхъ ему, не хватало одного, очень важнаго,—непосредственнаго участія въ мятежѣ.

Изъ пяти казенныхъ декабристовъ Рылѣевъ былъ главнымъ дѣятелемъ мятежа 14 декабря 1825 года въ Петербургѣ. Сѣргѣй Муравьевъ-Апостолъ былъ предводителемъ возмущенія на югѣ въ въ первыхъ числахъ января 1826 года; онъ «лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и взять былъ съ оружіемъ въ рукахъ» недалеко отъ Бѣлой Церкви (на югѣ отъ Кіева). Бестужевъ-Рюминъ также лично дѣйствовалъ въ этомъ мятежѣ, самъ вызывался на цареубійство и «избиралъ и назначалъ» цареубійцъ. Каховскій «былъ предназначенъ» посягнуть на жизнь государя и изъявилъ на то согласіе, а 14 декабря нанесъ смертельный ударъ графу Милорадовичу и полковнику Стюлеру.

Вывдвинутый же обвинительнымъ актомъ на первое мѣсто, Пестель не принималъ участія ни въ этихъ мятежныхъ дѣйствіяхъ, ни въ непосредственной ихъ подготовкѣ. Онъ былъ арестованъ какъ разъ наканунѣ памятныхъ событій на Сенатской площади, а именно 13 декабря, далеко отъ Петербурга, въ мѣстечкѣ Линцахъ, на югѣ Кіевской губерніи, гдѣ стоялъ подъ его командой Вятскій пѣхотный полкъ.

Чтобы возмѣстить недостатокъ важнаго обвиненія въ непосредственномъ участіи въ мятежѣ, Сперанскій, составляя обвинительный актъ, постарался отгѣнить сугубую виновность Пестеля по другимъ пунктамъ обвиненія. Онъ утверждалъ, что Пестель не только «умышлялъ на истребленіе Императорской фамиліи», но и «съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ». Онъ утверждалъ, далѣе, сознательно допуская преувеличеніе, что Пестель управлялъ Южнымъ Тайнымъ Обществомъ «съ неограниченною властію».

Другой обвинитель Пестеля, секретарь слѣдственнаго комитета, Боровковъ, правильно говоря, что онъ «безпрерывно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ Общества съ самаго вступленія въ оное», что онъ «господствовалъ надъ сочленами своими, оборо-

жалъ ихъ обширными познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ намѣреніямъ», вмѣстѣ съ тѣмъ, преувеличивая значеніе Пестеля въ Обществѣ, утверждалъ, что онъ «самовластно управлялъ Южнымъ Обществомъ» и что онъ «былъ главою Общества и первѣйшею пружиною всѣхъ его дѣйствій».

Формально Пестель былъ никакъ не болѣе виновнымъ, чѣмъ другіе виднѣйшіе декабристы. Но по существу дѣла ему, конечно, принадлежало среди нихъ первое мѣсто. Онъ былъ первымъ изъ нихъ по силѣ дарованій и по силѣ вліянія. Если онъ не принималъ непосредственного участія въ мятежѣ, то зато имѣлъ громадное значеніе въ устройствѣ и развитіи Тайнаго Общества. Онъ не былъ «самовластнымъ главою общества и тайною пружиною всѣхъ его дѣйствій», но несомнѣнно, что въ нѣкоторые важные моменты жизни общества его дѣятельность имѣла рѣшающее вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу заговора. Когда на московскомъ съѣздѣ 1821 года Союзъ Благоденствія былъ закрытъ, Пестель рѣшительно возсталъ противъ рѣшенія съѣзда и немедленно организовалъ изъ членовъ общества, жившихъ на югѣ, Южное Общество, въ видѣ отдѣла Союза Благоденствія, закрытія котораго онъ не признавалъ. Это устройство Южнаго Общества оказало сильное вліяніе на устройство въ Петербургѣ Сѣвернаго Общества также изъ членовъ Союза Благоденствія.

Пестель не имѣлъ «неограниченной власти» надъ Южнымъ Обществомъ; онъ имѣлъ въ немъ даже очень незначительную власть, потому что настойчивыя старанія его объ образованіи сильнаго, сплоченнаго общества не увѣнчались успѣхомъ. Но онъ имѣлъ вообще громадное значеніе въ исторіи Тайныхъ Обществъ, какъ Южнаго, такъ и Сѣвернаго, не силою власти, которую онъ имѣлъ, какъ одинъ изъ директоровъ, а силою своихъ исключительныхъ дарованій, «силою примѣра», какъ опредѣлилъ его значеніе Сперанскій.

Одно уже то, что онъ былъ членомъ Тайнаго Общества, придавало особое значеніе и въсѣ этому обществу, внушало многимъ увѣренность въ его силѣ и вліяніи. Сила его личности заставляла многихъ преувеличивать значеніе его, какъ главнаго дѣятеля Тайнаго Общества, держащаго въ рукахъ всѣ нити заговора. Въ Петербургѣ, среди главныхъ дѣятелей Общества (какъ Никита Муравьевъ и князь Трубецкой), распространено было преувеличенное мнѣніе о вліяніи Пестеля и значеніи Общества, имъ организованнаго на югѣ. Извѣстіе, что Пестель ѣдетъ въ Петербургъ, произвело среди нихъ въ концѣ 1823 года тревогу и смущеніе. Они заранѣе насторожились, опасаясь вліянія Пестеля и его упрековъ въ бездѣятельности. Никита Муравьевъ говоритъ съ княземъ Трубецкимъ, что «для узнанія мыслей и состоянія Общества Пестеля надобно показать ему что-нибудь здѣсь образованное», и спѣшно организуетъ «управу» изъ трехъ членовъ.

Въ запискахъ современниковъ, въ томъ числѣ и не принадлежавшихъ къ Тайному Обществу, сохранилось нѣсколько замѣчательныхъ отзывовъ о Пестелѣ. Всѣ, и даже враги его, говорятъ о немъ, какъ о личности съ исключительными дарованіями.

Во время пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ, сюда въ апрѣлѣ 1821 года прїѣхалъ Пестель проѣздомъ, по дѣламъ службы. Онъ навѣстилъ поэта и произвелъ на него сильное впечатлѣніе. «Утро провелъ съ Пестелемъ—записалъ Пушкинъ въ дневникъ.—Умный человекъ во всемъ смыслѣ этого слова... Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю». Пушкинъ записалъ въ дневникъ и поразившее его замѣчаніе Пестеля о матеріализмѣ: *Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse.*

Начальники второй арміи, въ которой служилъ Пестель, были о немъ самага высокаго мнѣнія. Начальникъ штаба графъ П. Д. Киселевъ (извѣстный, между прочимъ, какъ сторонникъ освобожденія крестьянъ) не удалялъ отъ себя Пестеля, несмотря на неоднократные совѣты своихъ петербургскихъ друзей, и съ увлеченіемъ вспоминалъ въ послѣдствіи о вечерахъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ нимъ. Главнокомандующій, графъ Витгенштейнъ говорилъ, что Пестель вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ, и на посту министра и въ командованіи арміей.

Въ запискахъ протоіерея казанскаго собора, Мысловскаго, духовника декабристовъ, находимъ не только сочувственный, но прямо восторженный отзывъ о Пестелѣ: «Сей преступникъ есть отличнѣйшій въ сонмѣ заговорщиковъ, какъ по данному ему воспитанію, такъ и по твердости дѣха... Быстръ, рѣшителенъ, краснорѣчивъ въ высшей степени; математикъ глубокой, тактикъ военный превосходный... Никто изъ подсудимыхъ не былъ спрашиванъ въ комиссіи болѣе его, никто не выдержалъ столько очныхъ ставокъ, какъ опять онъ же; вездѣ и всегда былъ равенъ себѣ самому. Ничто не колебало твердости его. Казалось, онъ одинъ готовъ былъ на раменахъ вынести тяжесть двухъ альпійскихъ горъ. Въ комиссіи всегда отвѣчалъ съ видимою гордостью и съ какимъ-то самоувереніемъ».

Декабристы въ своихъ запискахъ также согласно говорятъ о замѣчательномъ умѣ Пестеля, объ обширности его познаній, о его краснорѣчии, о силѣ его характера. Князь Оболенскій говорить о «свѣтломъ умѣ», объ «убѣдительномъ дарѣ слова» Пестеля и признается, что ему «трудно было устоять противъ такой обаятельной личности, какъ Павелъ Ивановичъ». Лореръ видитъ въ немъ человека «геніальнаго», «одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени». Басаргинъ рассказываетъ, что Пестель былъ «человѣкомъ высокаго, яснаго и положительнаго ума», что онъ «излагалъ свои мысли съ такою логикою, такою послѣдовательностью и съ такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія».

Очевидное безспорное превосходство Пестеля надъ своими товарищами по Обществу и его громадное вліяніе на нихъ легко обнаружилось на слѣдствіи изъ отвѣтовъ обвиняемыхъ. Оно видно было даже изъ такихъ осторожныхъ отвѣтовъ, какъ отвѣтъ кн. А. П. Барятинскаго, сказавшаго на слѣдствіи, что Пестель «безъ сомнѣнія всѣхъ болѣе былъ уважаемъ на счетъ ума и познаній

политическихъ». А неосторожные отвѣты давали слѣдователямъ не только факты, но и готовые фразы для формулировки обвиненія; Басаргинъ показывалъ, что «Пестель, одаренный отъ природы способностями выше обыкновенныхъ», былъ «главною пружиною дѣйствій общества» (эти слова повторилъ Боровковъ), что онъ былъ «основаніемъ, на которомъ все зданіе было устроено».

Нѣкоторые же изъ обвиняемыхъ чрезвычайно усиливали тяжелое положеніе Пестеля въ судѣ, такъ какъ, стараясь спасти себя, приписывали свое участіе въ Обществѣ единственно гибельному вліянію Пестеля. Они не щадили его, изображая его коварнымъ злодѣемъ, прибѣгавшимъ для завлеченія членовъ къ обманамъ и и угрозамъ ядомъ и кинжаломъ.

Комитетъ ставилъ подсудимымъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: «Кто изъ членовъ наиболѣе стремился къ распространенію и утвержденію мнѣній, и къ самому началію дѣйствій Общества совѣтами, сочиненіями и вліяніемъ своимъ на другихъ?»

«Какъ мнѣ извѣстно—отвѣтилъ на этотъ вопросъ поручикъ Крюковъ 2-й—одинъ Пестель».

«Полковникъ Пестель—отвѣтилъ командиръ казанскаго пѣхотнаго полка П. В. Аврамовъ—надъ всѣми тульчинскими членами имѣлъ поверхность и, можно сказать, одинъ дѣйствовалъ».

Къ этому онъ прибавилъ еще слѣдующее, гибельное для Пестеля, размышленіе:

«Ежеминутно обдумывая горестное мое положеніе, могу сказать, что ввергнуть въ оное не собственнымъ преступнымъ какимъ-либо желаніемъ, но чрезъ обманъ меня полковникомъ Пестелемъ, злѣйшимъ изъ людей, съ коими я встрѣчался когда-либо въ жизни моей».

Другіе обвиняемые объясняли комитету, какъ поддавались они Пестелю, соглашась противъ воли съ его мнѣніями, не имѣя силъ противостоять его авторитету. Одинъ приписывалъ свое участіе въ обществѣ главнымъ образомъ его «настоятельству»; другой рассказывалъ, какъ «непримѣтно умы увлечены и приготовлены были вліяніемъ Пестеля».

Холодный, логическій умъ, непреклонная воля и смѣлая, надменная увѣренность въ своихъ сужденіяхъ и въ своихъ силахъ, въ своемъ правѣ на господство надъ другими людьми—таковы основныя черты личности Пестеля, рано создавшія ему славу исключительнаго по своимъ дарованіямъ чловѣка.

Вѣра въ силу логики, въ математическую точность логическихъ заключеній, вѣра въ силу разума составляли отличительныя свойства его ума. Подобно французскимъ мыслителямъ и дѣятелямъ XVIII-го вѣка и начала XIX-го, онъ въ своихъ рѣшеніяхъ политическихъ вопросовъ не считался съ сложными условіями исторической обстановки и вѣрилъ въ возможность немедленнаго, неуклоннаго осуществленія идеи во всей ея логической чистотѣ. Истинный сынъ своего времени, великой революціонной эпохи, онъ, подобно якобинцамъ и подобно родственному имъ по духу Наполеону, вѣрилъ въ торжество идеи и въ возможность осуществленія

«своего идеала рѣзкимъ насильственнымъ революціоннымъ путемъ, вопреки какимъ бы то ни было общественнымъ условіямъ, какимъ бы то ни было условіямъ времени и мѣста»)

Этимъ духомъ времени объясняются тѣ положенія «Русской Правды», которыя на первый взглядъ кажутся странными по своей крайней прямолинейности. На «Русскую Правду» Пестель смотрѣлъ, какъ на наказъ Временному Верховному Правленію, и онъ полагалъ, что существованіе этого наказа—ясной программы новаго республиканскаго строя—должно предупредить всѣ смуты и неустойства, какія обыкновенно сопутствуютъ революціи. «Русская Правда—писалъ онъ—служить для Россіи ручательствомъ, что временное верховное правленіе единственно ко благу отечества дѣйствовать будетъ. Недостатокъ въ такой грамотѣ сввергнуть многія государства въ ужаснѣйшія бѣдствія и междоусобія, потому что въ оныхъ правительство дѣйствовать всегда могло по своему произволу, по личнымъ страстямъ и частнымъ видамъ, не имѣя предъ собою яснаго и полнаго наставленія... Русская Правда отвращаетъ своимъ существованіемъ все сіе зло».

Свойственная Пестелю непреклонная, фанатическая преданность идеѣ мѣтко охарактеризована въ слѣдующихъ словахъ декабриста Якушкина: «Пестель умно и упорно защищалъ свое мнѣніе, въ истину котораго онъ всегда вѣрилъ, какъ обыкновенно вѣрилъ въ математическую истину. Онъ никогда и ничѣмъ не увлекался. Можетъ быть въ этомъ и заключалась причина, почему изъ всѣхъ насъ онъ одинъ въ теченіе почти 10 лѣтъ, не ослабѣвая ни на одну минуту, упорно трудился надъ дѣломъ тайнаго общества. Одинъ разъ доказавъ себѣ, что Тайное Общество вѣрный способъ для достиженія желаемой цѣли, онъ съ нимъ слилъ все свое существованіе».

«Онъ никогда и ничѣмъ не увлекался»—говоритъ Якушкинъ. Холодную безстрастность Пестеля отмѣчаютъ и другіе современники. Логическій умъ соединялся въ немъ съ сильно развитой волей, подавлявшей чувство. Сильная воля придавала смѣлость и рѣшительность его дѣйствіямъ. Въ Тайномъ Обществѣ онъ дѣйствовалъ смѣло и рѣшительно, даже иногда слишкомъ рѣшительно, до неосторожности. Съ солдатами и офицерами своего полка онъ для поддержанія дисциплины обращался строго, иногда до жестокости, сознательной, по расчету. Въ 1821 году, когда его сдѣлали командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка, который считался худшимъ во всей южной арміи, онъ успѣлъ въ короткое время ввести въ немъ желѣзную дисциплину. «Началъ я—разсказывалъ онъ самъ—съ штабъ и оберъ-офицеровъ; строгость противъ нихъ оказывалъ чрезвычайную, такъ что нерѣдко батальонныхъ командировъ за фронтъ высылалъ. Съ нижнихъ чиновъ я сначала многого требовать не могъ, ибо не были они выучены и не были въ томъ виноваты». Когда же, несмотря на всѣ старанія, солдаты, вслѣдствіе «закоренѣлой лѣности», сдѣлали недостаточные успѣхи, онъ послѣ одного смотра подвергнулъ всѣхъ передовыхъ строгому наказанію, по жестокимъ военнымъ правиламъ того времени.

Нескрываемое сознание своего превосходства вносило въ отношенія Пестеля къ людямъ черту надменной повелительности. Когда нужно, онъ умѣлъ быть любезнымъ и тонкимъ. Но обыкновенно онъ ждалъ и требовалъ подчиненія, упорно настаивая. Онъ не «обворожалъ» членовъ Общества и не всегда ихъ убѣждалъ, но чаще подавлялъ ихъ своей логикой и своею настойчивостью. Въ показаніяхъ декабристовъ, обвинявшихъ Пестеля въ томъ, что онъ подчинилъ ихъ своему вліянію, слышится иногда старая затаенная обида.

«Помню — рассказываетъ одинъ изъ тульчинскихъ членовъ, Давыдовъ,—объ одномъ собраніи у князя Волконскаго. Пестель говорилъ о разныхъ предметахъ своихъ проектовъ... Противъ всѣхъ статей я покушался говорить, но имѣлъ слабость противъ своихъ мнѣній уступить мнѣнію Пестеля, какъ и въ важнѣйшихъ, къ несчастію, разговорахъ».

Павелъ Ивановичъ Пестель родился въ Москвѣ 24 іюня 1793 года, въ годъ утвержденія во Франціи первой республиканской конституціи, которая была однимъ изъ источниковъ его республиканской «Русской Правды».

Отецъ его, Иванъ Борисовичъ, былъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. «Достоинно замѣчанія—говоритъ Гречъ — что первенствующимъ изъ заговорщиковъ былъ сынъ жестокосердаго проконсула». Біографы Ив. Бор. Пестеля, однако, выяснили, что онъ не былъ повиненъ въ злоупотребленіяхъ сибирской администраціи до ревизіи Сперанскаго, что онъ былъ жертвой своего довѣрія къ подчиненнымъ, которые широко воспользовались тѣмъ, что онъ, главный начальникъ Сибири, управлялъ краемъ изъ Петербурга. Мать Павла Ивановича Пестеля, Елизавета Ивановна, урожденная Фонъ-Крокъ, была одной изъ замѣчательныхъ женщинъ александровскаго времени по своему образованію и уму; она была очень честликова и, горячо любя своего старшаго сына, чрезвычайно гордилась имъ, какъ выдающимся человѣкомъ.

До 12 лѣтъ Пестель воспитывался въ домѣ своего отца. Съ 1805 г., въ теченіе 4 лѣтъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Владимиромъ учился за границею, въ Дрезденѣ, подъ руководствомъ воспитателя Зейделя, впослѣдствіи вступившаго въ русскую службу. По возвращеніи въ Россію Пестель поступилъ, въ маѣ 1810 г., въ старшій классъ пажеческаго корпуса. Блестящія способности и прекрасная подготовка обращали на него общее вниманіе въ корпусѣ. Выпускные экзамены 1811 года, въ присутствіи государя, онъ выдержалъ первымъ по списку и былъ записанъ на мраморную доску. Эта доска послѣ событій 14 декабря была разбита.

Въ декабрѣ 1810 г. Пестель былъ произведенъ въ камеръ-пажи и 14 декабря слѣдующаго 1811 года выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв. Литовскій (впослѣдствіи Московскій) полкъ. Въ составѣ этого полка онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ съ апрѣля 1812 г. до сраженія при Бородинѣ, въ которомъ, подъ самый вечеръ 26-го августа, былъ жестоко раненъ ружейною пулей въ ногу, съ раздробленіемъ костей и поврежденіемъ сухожи-